Ч 355/52

284
713.

И. Айвазовъ.

И 355/52

НОВАЯ

ВѢРОИСПОВѢДНАЯ СИСТЕМА

РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

№ 43637.

БИБЛІОТЕКА ПОТАШЕНКО

МОСКВА.
Типографія „Русская Печатня", Садовая-Тріумф., д. № 170.
1908.

2007041210

БИБЛІОТЕКА
ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

Новая вѣроисповѣдная система Русскаго Государства.

Вопросъ о новой вѣроисповѣдной системѣ Русскаго Государства въ переживаемое нами время имѣетъ не только академическое значеніе, но и въ высшей степени жизненно-практическое. Жизнь каждой страны направляется законами. И, если вѣрно то положеніе, что законы посятъ на себѣ печать уже сложившейся жизни и обычаевъ страны, то неоспоримъ и другой фактъ, что и сама жизнь страны слагается и протекаетъ подъ сильнымъ воздѣйствіемъ на нее законовъ. Сказанное вообще о законахъ вполнѣ приложимо и къ законамъ по дѣламъ вѣры. То или иное направленіе вѣроисповѣднаго законодательства неотразимо сказывается на религіозной жизни страны.

Вотъ почему для людей вѣры и особенно для тѣхъ, кто въ лицѣ своихъ предковъ зажегъ на Руси свѣтильникъ православія, кто подъ благодатнымъ свѣтомъ этого свѣтильника собралъ и создалъ великую и мощную святую

Русь, кто призванъ стоять на стражѣ этого свѣтильника, чтобы онъ не угасъ и не былъ угашенъ, — дѣломъ первостепенной важности является проникновеніе въ духъ того вѣроисповѣднаго законодательства, которымъ живетъ или имѣетъ жить сложный и огромный организмъ Русскаго Государства...

Не подлежитъ сомнѣнію, что русскій государственный корабль въ дѣлахъ вѣры рѣзко перемѣнилъ свой курсъ. Уже 17 апрѣля 1905 г., Русское Государство перешло на путь западно-европейскаго или, такъ называемаго, „новаго государства“. Послѣднее, какъ извѣстно, особенно подъ вліяніемъ современнаго соціализма, или историко-экономическаго матеріализма, объявило себя внѣконфессіональнымъ, чуждымъ интересовъ какой-либо религіи. Оно предоставило каждой вѣрѣ полную свободу дѣйствій, только-бы не нарушались интересы собственно государства. Отдѣливъ государство отъ Церкви, „новое государство“, подъ знаменемъ „свободы совѣсти“, объявило полную свободу исповѣданія каждымъ своей вѣры и отправленія богослуженія и духовныхъ требъ по обрядамъ оной, полную свободу перехода изъ одной вѣры въ другую, полную свободу религіозной пропаганды и совращеній, и,

наконецъ, полную свободу для каждаго быть внѣ какой-либо конфессіи, или свободу атеизма.

Правда, „свобода совѣсти“ даже на своей родинѣ доселѣ не проведена полностью въ государственные кодексы; болѣе того, по мѣрѣ своего наибольшаго развитія она завершилась, напримѣръ, во Франціи, уже не религіознымъ индифферентизмомъ, какъ предполагалось въ идеѣ, а „просвѣщеннымъ“ *гоненіемъ* на религію... Но все-же на западѣ Европы и въ другихъ странахъ вѣроисповѣдный принципъ „новаго государства“ и теперь торжествуетъ. Онъ недавно положенъ въ основу и русскаго законодательства по дѣламъ вѣры.

Прежняя вѣроисповѣдная система Русскаго Государства была конфессіональной и покоилась на признаніи первенства и господства въ Государствѣ Православной Церкви. Послѣдняя пользовалась особымъ покровительствомъ Государства во вниманіе къ узамъ, исторически скрѣпившимъ судьбы Русскаго Государства и Православной Церкви въ Россіи воедино. Но въ вѣроисповѣдномъ актѣ 17 апрѣля 1905 г. Государство обосновалось на другомъ внѣконфессіональномъ принципѣ. Оно объявило себя чисто-правовымъ институтомъ, чуждымъ интересовъ конфес-

сіи. Комитетъ Министровъ въ основу своихъ сужденій о религіозной свободѣ положилъ уже ту мысль, что „убѣжденія совѣсти каждаго человѣка не подлежатъ контролю со стороны Государства до тѣхъ поръ, пока они не выразились въ какомъ-либо *неправомѣрномъ* дѣяніи". Религіозная свобода, по мнѣнію Комитета, подлежитъ стѣсненію только въ тѣхъ случаяхъ, когда проявленіе вѣрованій сопряжено съ опасностью для *Государства, общественной* нравственности или спокойствія. Но и въ этомъ случаѣ мѣры борьбы направляются не въ путяхъ ограниченія *духовной* свободы, а пресѣченія и уголовнаго преслѣдованія *отдѣльныхъ* преступныхъ дѣяній.

Такимъ образомъ, тотъ или другой *вѣроисповѣдный* элементъ потерялъ для Государства собственную цѣнность. Отсюда всѣ дѣйствія правящихъ сферъ и самое законодательство быстро пошли по пути освобожденія отъ конфессіональнаго элемента и вліянія.

Конечно, прежде всего, пострадалъ у насъ принципъ первенства и господства Православной Церкви, которымъ ярко была запечатлѣна прежняя вѣроисповѣдная система Государства. Если раньше удовлетвореніе религіозныхъ потребностей, особенно отщепенцамъ отъ Православной Церкви, дозволялось

государственными законами лишь постолько этимъ не могло быть, по мнѣнію законодателя, нанесено вреда господствующей вѣрѣ,—съ каковою цѣлью Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и вообще государственныя учрежденія обязательно входили въ предварительное соглашеніе съ Православною Церковною властью по всѣмъ вопросамъ относительно положенія въ Государствѣ, особенно различныхъ отщепенцевъ отъ Церкви,—то съ 17 апрѣля 1905 г. Государство, ставъ на почву охраны и блюстительства собственно государственныхъ интересовъ, перестало считать интересы Православной Церкви своими, а равно и обусловливать соблюденіемъ интересовъ Церкви появленіе того или другаго вѣроисповѣднаго закона. Даже по отношенію къ отщепенцамъ отъ Церкви Государство стало руководиться пользою, вредомъ или безразличіемъ ихъ только для государственнаго благополучія, или общественной нравственности и спокойствія. Понятно, что и самое соглашеніе и сношенія съ Православною Церковью даже по дѣламъ отщепенцевъ отъ нея, наиболѣе затрогивающимъ интересы Церкви, Государство признало лишними. Уже, при обсужденіи „Указа 17 апрѣля 1905 года объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости“, государственная власть не

сочла полезнымъ выслушать голосъ Церкви, или хотя-бы ея полномочныхъ представителей. Болѣе того, тогда-же поручалось управляющему Министерствомъ Юстиціи пересмотрѣть „Новое Уголовное Уложеніе“ по дѣламъ вѣры, въ цѣляхъ согласованія его съ началами „Указа 17 апрѣля“, и внести свое представленіе объ этомъ въ Государственный Совѣтъ *„безъ предварительнаго сношенія съ другими вѣдомствами“*, изъ которыхъ, конечно, пришлось-бы снестись, прежде всего, и по преимуществу съ „вѣдомствомъ православнаго исповѣданія“... При изданіи „правилъ 17 октября 1906 г.“ также ограничились заключеніемъ и мнѣніями только Совѣта Министровъ!..

Такъ государство *само* стало творить вѣроисповѣдные законы. Первенствующій, союзническій и даже совѣтническій голосъ Православной Церкви въ дѣлахъ государственнаго вѣроисповѣднаго законодательства былъ упраздненъ.

По тѣмъ-же мотивамъ и самое законодательство стало усиленно освобождаться отъ конфессіональнаго элемента. Это сказалось еще при редакціи и утвержденіи 22 марта 1903 г. „Новаго Уголовнаго Уложенія“, въ которомъ изъ 65-ти статей прежняго „Уложенія о наказ. угол. и исправит.“ (Разд. II-й) осталось по дѣламъ вѣры всего 26 ста-

тей, а при вторичной редакціи „Нов. Угол. Улож.“ Высочайше утвержденнымъ 14 марта 1906 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта въ немъ осталось всего 24 статьи!..

Также и „Уставъ о предупрежд. и пресѣчен. прест.“ во многомъ относительно дѣлъ вѣры омертвѣлъ, а существенныя его статьи, касающіяся самыхъ жизненныхъ интересовъ Православной Церкви, какъ-то: 36—39 ст. и 56—57 ст., были совершенно отмѣнены. Тоже произошло и съ „Устав. Уголовн. судопроизводства“, статьи котораго — 1005/1008, зорко стоящія на стражѣ дѣлъ вѣры, полностью упразднены.

Вслѣдствіе произведенныхъ реформъ въ вѣроисповѣдномъ законодательствѣ, западно-европейская „свобода совѣсти“ *къ апрѣлю м. 1906 г.* прочно водворилась у насъ во всѣхъ своихъ главныхъ проявленіяхъ. Такъ, во-1-хъ, у насъ въ законодательствѣ объявлена полная свобода исповѣданія каждымъ своей вѣры и отправленія богослуженія и духовныхъ требъ по обрядамъ оной. Если такая свобода не предоставлена изувѣрнымъ и безнравственнымъ ученіямъ, самая принадлежность къ которымъ уголовно наказуется (96 ст. „Нов. Уг. Ул.“), то такое ограниченіе и наказаніе имѣютъ своимъ основаніемъ ни разнствованіе этихъ ученій отъ

основныхъ истинъ вѣры христіанской вообще и православной, въ частности, ни крайнюю степень проявленнаго въ догматикѣ этихъ ученій невѣжественнаго и суевѣрнаго міросозерцанія, полнаго искаженія и превратнаго толкованія событій исторіи отечественной или всемірной, и въ особенности преданій церковныхъ и выраженій священныхъ книгъ, но исключительно *жизненное проявленіе* изувѣрныхъ и безнравственныхъ ученій, ученіе ихъ послѣдователями, въ силу ихъ вѣры и богослужебнаго культа, дѣйствій, не совмѣстимыхъ съ охраняемыми государственною властью важнѣйшими интересами частныхъ лицъ, или основными требованіями общественной нравственности. Словомъ, въ наказуемости самой принадлежности къ изувѣрнымъ и безнравственнымъ ученіямъ играютъ исключительную роль мотивы чисто-государственнаго свойства, но отнюдь не конфессіональнаго. Почему и наказаніе возможно только въ случаѣ юридической доказанности самаго факта изувѣрства или безнравственности. Безъ *жизненнаго проявленія* подобныхъ фактовъ самыя изувѣрныя и безнравственныя секты могутъ пользоваться свободою исповѣданія своей вѣры и отправленія своего культа, какъ то и есть въ дѣйствительности, происходящей „на

законномъ основаніи". Всякое вообще „публичное оказательство раскола", не приносящее вреда интересамъ собственно государства, а преслѣдующее безвредныя или безразличныя съ исключительно государственной точки зрѣнія религіозныя цѣли, по „Нов. Угол. Улож." не наказуется, за отмѣною 14 марта 1906 г. ст. 92-й „Нов. Угол. Улож." по мотивамъ, изложеннымъ еще въ Высочайше утвержденныхъ 17 апр. 1905 г. журналахъ Комитета Министровъ, когда въ принципѣ была изобрѣтена отмѣна ст. 49-й и 59-й съ примѣчаніемъ „Уст. о предупр. и пресѣч. преступл."!

Во-2-хъ, въ нашемъ законодательствѣ объявлена полная свобода перехода изъ одного христіанскаго исповѣданія, въ томъ числѣ и изъ православія, въ другое христіанское-же исповѣданіе и вѣроученіе (расколъ или секту). За такими переходами признана юридическая сила и они получили санкцію Государства. Что-же касается перехода изъ христіанства въ нехристіанство, то такой переходъ узаконенъ только для тѣхъ, кто самъ или его предки были прежде нехристіанами, причемъ понятіе: „предки" не получило точнаго опредѣленія въ законѣ. Для лицъ-же христіанскихъ исповѣданій принятіе нехристіанской вѣры закономъ не воспрещено и не дозволено. Въ этомъ отношеніи Госу-

дарство остановилось пока на полъ-пути. Оно не караетъ уголовно и вообще не примѣняетъ къ отпавшимъ въ нехристіанство христіанамъ какихъ-либо репрессивныхъ мѣръ и только путемъ умолчанія въ законѣ о такихъ отпаденіяхъ лишаетъ ихъ юридической силы или государственной санкціи, что влечетъ за собою для отпадшихъ нѣкоторыя невыгодныя въ гражданскомъ отношеніи послѣдствія. Замѣчательна мотивировка такого отношенія Комитета къ данному вопросу. „Прямое разрѣшеніе въ законѣ принятія православными нехристіанскихъ исповѣданій не соотвѣтствовало-бы глубокому сознанію истинности высокихъ началъ, лежащихъ въ основѣ вѣры Христовой, и едва-ли вызывается надобностью въ виду несомнѣнной исключительности подобныхъ случаевъ“,—такъ заявилъ Комитетъ Министровъ въ Высочайше утвержденномъ 17 апрѣля 1903 года журналѣ. Нетрудно, однако, понять всю нелогичность подобнаго заявленія. Безъ сомнѣнія, *не* „глубокое сознаніе истинности высокихъ началъ“ христіанства лежало въ основѣ комитетскихъ законопроектовъ по вопросу о переходѣ изъ христіанства въ нехристіанство. Иначе, Комитетъ не только „*прямого*“, но и косвеннаго разрѣшенія въ законѣ подобнаго перехода не далъ-бы. Между

тѣмъ, умолчавъ въ законѣ о запретѣ такихъ переходовъ и не положивъ никакихъ взысканій за нихъ, онъ тѣмъ самымъ далъ понять, что Государство косвенно разрѣшаетъ отпаденія христіанъ въ нехристіанство и признаетъ за такими отпаденіями юридическую силу, давъ „прямое разрѣшеніе“ на нихъ въ законѣ, когда случаи подобныхъ отпаденій перестанутъ быть исключительными, а сдѣлаются обычнымъ явленіемъ. Вотъ почему Комитетъ узаконилъ отпаденія въ нехристіанство тѣхъ христіанъ, которые не только сами, но даже въ лицѣ своихъ предковъ прежде были нехристіанами. Когда настанетъ удобное время для узаконенія всякихъ вообще отпаденій изъ христіанства въ нехристіанство, то, Государство, по примѣру Комитета, обоснуетъ необходимость такого узаконенія тѣмъ соображеніемъ, что-де для него нельзя оставлять своихъ подданныхъ *безъ религіи*. Словомъ, подъ обличьемъ *общей религіозности* оно сдѣлаетъ еще одинъ крупный шагъ къ безрелигіозности, или атеизму.

Въ-3-хъ, въ нашемъ законодательствѣ свобода пропаганды каждымъ своего вѣроученія сохранила ничтожное ограниченіе, когда уголовно наказуется только *публичная* пропаганда съ цѣлью совращенія православныхъ. Такъ что

всѣ статьи „Уст. о предупр, и пресѣч. преступл.“ относительно запрещенія для всѣхъ вѣръ и исповѣданій проповѣди или своего ученія среди иномыслящихъ являются почти бездѣйствующими, за отсутствіемъ нынѣ состава уголовнаго преступленія въ пропагандѣ, кромѣ случая, указаннаго въ 90-й ст. „Нов. Угол. Улож.“ *). При этомъ должно замѣтить, что условія, наличностью которыхъ обставлена уголовная наказуемость пропаганды среди православныхъ, таковы, что факты наказуемости являются почти невозможными.

Мы не будемъ уже говорить о томъ, что Государство *въ принципѣ* признало законною пропаганду среди православныхъ и только до времени нѣсколько ограничило ее. Понятно, что временныя ограниченія скоро исчезнутъ, коль скоро къ тому ведетъ самый принципъ, и отмѣна такихъ ограниченій не потребуетъ особыхъ усилій.

Въ-4-хъ, что касается свободы совращеній, то таковою пользуются всѣ вѣры и исповѣданія, если совращеніе происходитъ путемъ убѣжденія. Въ этомъ отношеніи православіе не пользуется никакими привилегіями, такъ какъ и совращеніе изъ православія въ любую

*) Административныя мѣры борьбы съ нарушителями означенныхъ статей рѣдки и не достигаютъ цѣли.

вѣру или исповѣданіе путемъ убѣжденія не является уголовнымъ преступленіемъ. Замѣчательно, что публичная пропаганда среди православныхъ съ цѣлью совращенія ихъ уголовно наказуется (ст. 90-я), но если состоялось самое совращеніе, то хотя-бы оно явилось и слѣдствіемъ публичной проповѣди, — оно не влечетъ за собою для совратителя особаго наказанія. Словомъ, на языкѣ примѣровъ, это значитъ, что убійство наказуется въ той-же степени, какъ и покушеніе на жизнь...

Если и сохранилось въ уголовномъ кодексѣ наказаніе за совращеніе, то только для тѣхъ случаевъ, когда въ совращеніи проявилась злая воля совратителя, т.-е., во-1-хъ, когда совращеніе произошло насильственное, посредствомъ насилія надъ личностью, или наказуемой угрозы, и во-2-хъ, когда совращеніе состоялось, хотя и не насильственное, но посредствомъ злоупотребленія властью, принужденія, обольщенія обѣщателя, выгодъ, обмана. Во всѣхъ такихъ случаяхъ совращеніе *наказуется* независимо отъ того, въ какую вѣру произошло совращеніе. Вѣроисповѣдный элементъ сохранилъ нѣкоторое значеніе только въ опредѣленіи *степени* наказанія и то съ исключеніемъ для изувѣрныхъ ученій,—здѣсь нехристіанство сравнено съ

христіанствомъ. Понятно, что въ наказаніяхъ такихъ совращеній, которыя являются преступными для всѣхъ вѣръ и исповѣданій, руководящую роль играютъ мотивы отнюдь не конфессіональнаго характера, а исключительно Государственнаго, и потому самое наказаніе и преступленія свободно могутъ быть изъяты изъ спеціально вѣроисповѣднаго отдѣла — главы „Нов. Угол. Уложенія". Къ этому, несомнѣнно, и направляли свою дѣятельность творцы новаго уголовнаго кодекса, чтобы впослѣдствіи „на разумномъ-де основаніи" еще болѣе изъять конфессіональный элементъ изъ нашего законодательства.

Въ-5-хъ, что касается свободы стоять внѣ всякой вѣры, или что то же—принадлежать къ атеизму, то прямого разрѣшенія на это наше законодательство еще не даетъ. Но всѣ данныя для законнаго существованія класса людей внѣисповѣдныхъ, Государство уже подготовило. Обычно тамъ, гдѣ расцвѣла объявленная и у насъ „свобода совѣсти", Государство шло къ атеизму слѣдующимъ путемъ: сперва оно всячески лишало первенствующую христіанскую церковь особыхъ привилегій и переходило на *общехристіанскую* почву, не дѣлая различія между христіанскими исповѣданіями и сектами. Затѣмъ оно сперва молча мирилось съ посягатель-

ствами нехристіанскихъ ученій на права и привилегіи христіанскихъ исповѣданій и затѣмъ узаконяло эти посягательства, становясь, такимъ образомъ, на *общерелигіозное* основаніе, не дѣлая уже различія между христіанствомъ и нехристіанствомъ. Подобное отношеніе къ религіи, естественно, еще сильнѣе побуждало Государство блюсти повсюду только чисто-государственные интересы, внѣ связи ихъ съ какою-либо конфессіей. Параллельно этому происходило упраздненіе все большаго и большаго числа вѣроисповѣдныхъ законовъ, такъ что въ государственныхъ кодексахъ оставалось всего пять или шесть статей по дѣламъ религіи. Въ заключеніе Государство, вѣрное своему принципу, провозгласившему отдѣленіе Церкви или конфессіи отъ Государства, объявляло полный разрывъ съ религіей, трактуя послѣднюю уже въ *общихъ* отдѣлахъ своего кодекса. Разорвавъ само съ религіей, оно, конечно, дозволяло и своимъ подданнымъ стать внѣ конфессіи. Такъ „свобода совѣсти“ необходимо завершалась атеистическимъ Государствомъ и узаконеннымъ въ немъ атеизмомъ. Религія, какъ негодный балластъ, выбрасывалась за бортъ государственнаго корабля.

Мы видѣли, что и наше Государство не только перешло уже на *общехри-*

стіанскую почву, но и прошло большую часть пути къ *общерелигіозному* основанію. Это сказалось во всѣхъ обрисованныхъ нами проявленіяхъ у насъ „свободы совѣсти“ и въ самомъ принципѣ, объявленномъ въ журналахъ Комитета Министровъ, по которому Государство въ существѣ своемъ признавалось чуждымъ конфессіи. Немного еще осталось до полнаго уравненія у насъ нехристіанства съ христіанствомъ, а отсюда уже самъ собою выльется государственный атеизмъ и появится узаконенный классъ внѣисповѣдныхъ людей.

На этотъ путь узаконенія атеизма и вступила было 1-я Государственная Дума въ своемъ законопроектѣ о свободѣ совѣсти (ст. 3-я), оставаясь безусловно вѣрной началамъ, положеннымъ въ основу Указа 17 апрѣля. Нигдѣ такъ ярко не сказалась полная солидарность нашего правительства съ „народнымъ представительствомъ“ даже крайнихъ лѣвыхъ направленій, какъ въ религіозной сферѣ. Если и казались возможными здѣсь пререканія между ними, такъ только относительно времени объявленія этой солидарности, при чемъ, конечно, правительство причислило бы себя къ „постепеновцамъ“.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи новая вѣроисповѣдная система нашего Государства подарила насъ Высочайше

утвержденными 17 октября 1906 г. „правилами“ объ устроеніи внутренней жизни отдѣлившихся отъ православной Церкви „старообрядческихъ согласій“ и сектантовъ. Согласно Высочайшему Указу, эти „правила“ покоятся на началахъ Указа 17 апрѣля 1905 г. и потому, конечно, дарятъ насъ тѣми же картинами.

Прежде всего, при редакціи и изданіи этихъ „правилъ“ строго соблюли независимость Государства отъ какой-либо конфессіи. И, хотя эти „правила“, какъ сказано въ Указѣ 17 октября 1906 г., должны были послужить къ „вящшему возвеличенію Святой Церкви православной“, хотя они касались самыхъ жгучихъ интересовъ православной Церкви, однако, правительство не пожелало услышать мнѣніе самой Церкви, а удовлетворилось собственнымъ разсужденіемъ, такъ что „правила“ обосновались только на „заключеніи Совѣта Министровъ“. И это не случайность, не опрометчивость нашего правительства, а неуклонное соблюденіе имъ началъ западно-европейской „свободы совѣсти“, которая не допускаетъ соглашенія между Государствомъ и Церковью по дѣламъ вѣроисповѣднаго законодательства, — Государство *само* творитъ законы.

Всматриваясь въ самое содержаніе

„правилъ“ 17 октября 1906 г., мы устанавливаемъ слѣдующія основныя черты ихъ: во-1-хъ, государство сильно озабочено образованіемъ „религіозныхъ общинъ“ изъ отпавшихъ отъ православія лицъ; во-2-хъ, оно надѣляетъ эти общины религіозными, нравственными, просвѣтительными и благотворительными цѣлями; въ-3-хъ, съ рѣдкою послѣдовательностью оно по *чисто-государственнымъ* соображеніямъ разрѣшаетъ открытіе общинъ, коль скоро о томъ просятъ не менѣе 50-ти человѣкъ, которымъ предоставляется полная свобода наименованія своей секты, согласія или толка, хотя бы то и „общиной истинно-православныхъ христіанъ“, и распространенія дѣятельности общины, съ разрѣшенія подлежащей гражданской власти, хотя бы то и на всю Россію; въ-4-хъ, пріостановленіе дѣйствій и закрытіе общины также производится государственною властью и по соображеніямъ *чисто-государственнаго* вреда отъ дѣятельности общины; въ-5-хъ разрѣшенная къ открытію община вносится въ реестръ и о ея появленіи сама гражданская власть публикуетъ въ сенатскихъ объявленіяхъ и губернскихъ или областныхъ вѣдомостяхъ; въ-6-хъ, зарегистрованная община надѣляется всѣми правами юридическаго лица, она: сооружаетъ собственные храмы,

молитвенные дома, скиты, обители, богоугодныя заведенія, школы, пріюты; пріобрѣтаетъ и отчуждаетъ для своихъ цѣлей недвижимыя имущества, образовываетъ капиталы, заключаетъ договоры, займы; вступаетъ въ обязательства; ищетъ и отвѣчаетъ на судѣ; собираетъ пожертвованія и устанавливаетъ сборы съ своихъ членовъ и т. д...; въ-7-хъ, она имѣетъ свою печать, утвержденную правительствомъ; въ-8-хъ, государство само регламентируетъ строй и дѣятельность общихъ собраній и совѣтовъ общинъ; въ 9-хъ, оно надѣляетъ всѣми правами „духовнаго состоянія“ наставниковъ, настоятелей и вообще духовныхъ лицъ общинъ; освобождаетъ ихъ отъ призыва на дѣйствительную военную службу; предоставляетъ имъ полную свободу пользоваться принятыми въ ихъ вѣроученіи наименованіями и одѣяніями, хотя бы то и тожественными съ наименованіями православной іерархіи и священными одеждами Православной Церкви; наконецъ, трогательно заботится о нравственномъ достоинствѣ означенныхъ духовныхъ лицъ!..

Повсюду, какъ видимъ, въ приведенныхъ „правилахъ“ упраздненъ государствомъ совѣтническій голосъ Православной Церкви, хотя, по заявленію Указа 17 октября, эти „правила“ касаются самыхъ жизненныхъ и жгучихъ

интересовъ Церкви!.. Болѣе того, все въ „правилахъ“ направлено къ *вящшему разоренію* Православной Церкви. Вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что государство, — предоставляя самую широкую свободу организаціи „религіозныхъ общинъ“ даже незначительному числу отщепенцевъ отъ Православной Церкви, оказывая мощное и живое содѣйствіе законному существованію этихъ общинъ, ихъ внутреннему устройству, сплоченію, усиленію и ихъ объединенной дѣятельности на пространствѣ всей Россійской Имперіи и притомъ даже подъ обличьемъ наименованій и внѣшняго священнаго покрова Православной Церкви, раскрывая для дѣятельности этихъ общинъ всѣ сферы жизни человѣческой, популяризируя общины путемъ казенныхъ публикацій о ихъ появленіи, а особенно надѣляя эти общины и ихъ духовныхъ лицъ поразительно обильными и первостепенной государственной важности правами юридическихъ лицъ, какими не владѣетъ даже Православная Церковь, особенно же освобождая отъ призыва на дѣйствительную военную службу каждаго наставника 50-ти отщепенцевъ отъ Церкви и предоставляя ему право облечься даже въ православно-церковныя имена и одежды, — тѣмъ самымъ мощною рукою сплачивать, оснащать,

укрѣпляетъ и множитъ воинствующія противъ Православной Церкви рати отщепенцевъ отъ нея, предоставляетъ на служеніе ихъ цѣлямъ государственную силу, власть, учрежденія и даже средства. Болѣе того, безпримѣрными привилегіями, изъ которыхъ главнѣйшая это—освобожденіе отъ призыва на дѣйствительную военную службу наставника полусотни отщепенцевъ, государство прямо толкаетъ православныхъ чадъ Церкви къ отдѣленію отъ нея по низменнымъ мотивамъ, ничего общаго не имѣющимъ съ религіей и преступнымъ даже съ правильной чисто-государственной точки зрѣнія!..

Словомъ, въ своемъ старапіи отдѣлить государство отъ конфессіи и именно прежде всего отъ первенствующей въ немъ Церкви, творцы „правилъ“ 17 октября перехватили черезъ край. Они поставили своей задачей не только порвать историческую связь государства съ Православною Церковью, но и какъ можно сильнѣе ослабить Церковь, вполнѣ основательно боясь со стороны ея мощнаго протеста противъ ихъ новой вѣроисповѣдной системы. Посему-то прежде всего наше правительство и запялось отщепенцами отъ православія, а не отъ другихъ исповѣданій и вѣръ!..

Надѣливъ обильными государствен-

ными правами всякія стремленія къ разложенію православной церковной жизни, Государство въ тѣхъ же „правилахъ“ дало элементы разложенія и вообще религіозной жизни, каковые по надобностямъ времени и будутъ развиваемы въ сторону той или другой секты, того или другого „старообрядческаго согласія“ или толка. Такъ постепенно Государство прійдетъ къ полному религіозному распаду и безъ особыхъ усилій совершенно упразднитъ религіозный элементъ въ своихъ кодексахъ.

Послѣдній по времени шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ нашимъ правительствомъ въ формѣ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, внесенныхъ въ Государственную Думу третьяго созыва.

Изъ этихъ законопроектовъ наиболѣе важнымъ въ дѣлѣ выясненія новой вѣроисповѣдной системы нашего государства является законопроектъ подъ № 1474-мъ: „*объ отношеніи государства къ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ*“. Въ основу даннаго законопроекта положено, по заявленію министерства, „*начало свободы совѣсти*“. Провозгласивъ „свободу совѣсти“, министерство внутреннихъ дѣлъ спѣшитъ предупредить, что свобода совѣсти „*не знаменуетъ вовсе отдѣленія*

церкви отъ государства“! Однако, вся аргументація въ пользу столь важнаго утвержденія сведена министерствомъ только къ заявленію, что при отдѣленіи церкви отъ государства получается „*полное безразличіе*“*) въ отношеніи государства къ религіи“; между тѣмъ, государство, остановившееся на принципѣ свободы совѣсти, не провозглашаетъ „*полнаго обособленія отъ религіи*“. Но даже и въ такомъ заявленіи министерства нельзя не усмотрѣть полнаго тожества цѣлей двухъ принциповъ: „отдѣленія церкви отъ государства“ и „свободы совѣсти“. Вѣдь въ сущности оба принципа преслѣдуютъ *одну* цѣль: „*обособленіе государства отъ религіи*“ и только первый принципъ осуществляетъ эту цѣль „*полностью*“, а второй „*неполностью*“. Но полное или неполное осуществленіе извѣстнаго государственнаго принципа является уже дѣломъ *практической* политики правительствъ, которыя сообразуются въ такихъ случаяхъ съ подходящими для торжества ихъ идей моментами, переживаемыми страной. И само министерство свидѣтельствуетъ, что *полнаго* обособленія государства отъ религіи доселѣ нѣтъ даже въ Сѣверо - Американскихъ Соединенныхъ

*) Курсивъ нашъ.

Штатахъ, провозгласившихъ, однако принципъ отдѣленія церкви отъ государства и осуществившихъ его болѣе другихъ странъ! Въ такомъ случаѣ, на основаніи соображеній самого министерства, необходимо заключить, что *свобода совѣсти неоспоримо знаменуетъ отдѣленіе церкви отъ государства* и что между этими двумя принципами нѣтъ никакой разницы, а, напротивъ, усматривается *полное тожество*.

Но если мы изъ области крайне неудачныхъ министерскихъ соображеній перейдемъ въ сферу научныхъ понятій и государственной жизни западно-европейскихъ странъ и Сѣверной Америки, то съ поразительною ясностью убѣдимся въ полномъ тожествѣ „свободы совѣсти“ съ „отдѣленіемъ церкви отъ государства“. Болѣе того, „свобода совѣсти“ обрисовывается повсюду какъ *теоретическій принципъ*, лежащій въ основѣ практической вѣроисповѣдной политики государства, которое *во имя этого принципа „отдѣляетъ себя отъ церкви“*. Полное осуществленіе въ жизни государства „свободы совѣсти“ обязательно сказывается въ „полномъ обособленіи государства отъ религіи“. Достаточно взглянуть въ изслѣдованія по церковному праву и вообще въ области права и политики, чтобы убѣдиться въ томъ, что „новое государ-

ство" на западѣ Европы и въ Сѣв. Америкѣ объявило полное отдѣленіе государства отъ церкви именно во имя „начала свободы совѣсти" (Блюнчли, Гиппіусъ, П. Бердниковъ — „Новое Государство"..., Е. Тимпиковскій—„Государ. положеніе религіи во Франціи", Триго—„Религ. секты въ Америкѣ" и др...). Да и въ дѣйствительной жизни мы видимъ тоже на каждомъ шагу. Еще И. С. Аксаковъ писалъ: „весь христіанскій міръ на западѣ охваченъ теперь борьбою съ врагомъ, которому ходячее имя: „современный прогрессъ". Это бой на жизнь и смерть съ Церковью, бой во имя культуры, цивилизаціи, всякой свободы и общественныхъ благъ. Этотъ бой зачинается и у насъ, каждый день умножая противниковъ Церкви, каждый день увлекая подъ знамя „прогресса" множество молодыхъ..., ибо это знамя „равенства и братства", *свободы* знанія, мысли и *совѣсти*"... И кто же станетъ оспаривать, что въ Сѣверной Америкѣ и особенно во Франціи не только „отдѣленіе государства отъ церкви", но даже изгнаніе государствомъ церкви „ведется подъ знаменемъ „*свободы совѣсти*"?!.

У насъ въ Россіи, когда въ 1901 г., по поводу доклада г. Стаховича на Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, подпялись повсюду пренія о „свободѣ со-

вѣсти", то представители всѣхъ теченій мысли понимали „свободу совѣсти" именно какъ „полное обособленіе государства отъ религіи". Самъ г. Стаховичъ такъ опредѣлилъ свободу совѣсти; законодательство въ правѣ говорить любому поддаппому: „ты можешь вѣрить во что хочешь и какъ хочешь, или совсѣмъ не вѣрить,—мнѣ все равно". И на этомъ основаніи г. Стаховичъ требовалъ отъ государства полной религіозной свободы, которая, по его мнѣнію, есть „свобода вѣрить, вѣрить различно, или вовсе не вѣрить". Отсюда у него проистекала полная свобода перехода въ любую вѣру, полная свобода религіозной пропаганды и совращеній. Въ своемъ откликѣ на рѣчь г. Стаховича „вся наша пресса также поняла „свободу совѣсти", какъ и г. Стаховичъ, выражая ей то одобреніе, то порицаніе. Такъ, „Русскія Вѣдомости" писали: „принципъ свободы совѣсти давно уже не только утвердился въ сознаніи лучшихъ мыслителей и всего культурнаго общества запада, но и проведенъ въ жизнь во всей Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ", при чемъ газета подтверждала правильность пониманія этого принципа г-на Стаховича (№№ 289, 305—1901 года). „Новое Время" такъ же поняло „свободу совѣсти", какъ „отдѣленіе церкви отъ

государства", и, восхищаясь „идеаломъ свободы совѣсти", заявило: „если достиженіе (этого) идеала не дается Западной Европѣ, гдѣ общій уровень образованія выше, чѣмъ у насъ, то какъ же трудно намъ осуществить отдѣленіе церкви отъ государства" (№ 9190-й 1901 г.). „Московскія Вѣдомости", въ статьяхъ по поводу доклада г. Стаховича, въ свою очередь поняли „свободу совѣсти", какъ „фактическое отдѣленіе церкви отъ государства" (№№ 268, 274, 275 и 278—1901 г.). „Церковный Вѣстникъ" взглянулъ на „свободу совѣсти", какъ на „совершенное игнорированіе государствомъ дѣлъ вѣры", какъ на „отсутствіе всякаго религіознаго законодательства" *). Съ такими воззрѣніями на „свободу совѣсти" выступила и Государственная Дума 1-го созыва въ своихъ „основныхъ положеніяхъ законопроекта о свободѣ совѣсти" и въ „объяснительной запискѣ" къ нимъ. По мнѣнію объяснительной записки" въ „принципъ свободы совѣсти" входитъ „право не принадлежать ни къ какому исповѣданію", почему законопроектъ санкціонировалъ не только „равенство" всѣхъ вѣроиспо-

*) См. подробно нашу книгу: „Орловскій миссіон. съѣздъ въ связи съ вопросомъ о свободѣ совѣсти" 1901 г.

вѣданій, но и государственный атеизмъ (ст. 3-я и 7-я).

На основаніи всего изложеннаго мы считаемъ совершенно бездоказаннымъ заявленіе министерства, что начало свободы совѣсти, якобы, „не знаменуетъ вовсе отдѣленія церкви отъ государства“!.. Здѣсь невольно мы вспоминаемъ тѣ времена, когда революція, начертавъ на своемъ знамени „нейтралитетъ“ по отношенію къ религіи, въ сущности, подъ прикрытіемъ религіознаго безразличія, повела самое ужасное гоненіе на религію, такъ что даже наиболѣе безпристрастные поклонники „новаго государства“ признали, что „*индифферентизмъ есть самая опасная форма враждебности къ религіи*“.

Нашъ взглядъ на заявленіе министерства подтверждается и разбросанными въ самомъ законопроектѣ отдѣльными выраженіями министерства. Такъ, министерство признаетъ, что совращеніе не можетъ быть наказуемо, потому что оно не наказуется „*въ государствѣ, не признающемъ теократическаго начала*“. То же министерство при опредѣленіи „*естественныхъ границъ*“ для права пропаганды религіозныхъ ученій, руководится соображеніями исключительно „*общегосударственнаго свойства*“. Словомъ, для государства *внѣ* его нѣтъ ни начала, которымъ оно освѣ-

щалось бы, ни интересовъ, которые оно соблюдало бы. Оно само въ себѣ имѣетъ цѣль, само для себя и все для него существуетъ.

Отсюда и только отсюда понятно, почему совѣтъ министровъ не только самъ не запросилъ мнѣнія церкви, первенствующей въ государствѣ, относительно вносимыхъ имъ въ Думу вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ, изъ которыхъ, напримѣръ, разбираемый нами перекладываетъ самый фундаментъ отношеній государства къ церкви,—но и отвергъ предложеніе г. оберъ-прокурора Св. Синода представить въ совѣтъ министровъ отзывъ высшей церковной власти по содержанію министерскихъ законопроектовъ. Во имя „начала свободы совѣсти“, „якобы“, не знаменующаго отдѣленія государства отъ церкви, совѣтъ министровъ все же отдѣлилъ государство отъ церкви, ярко показавъ, что государство *само* творитъ законы, безъ содѣйствія и вліянія какой-либо конфессіи. Это служитъ блестящей иллюстраціей къ министерскимъ завѣреніямъ относительно „начала свободы совѣсти“!..

Мы уже не говоримъ о другихъ второстепенныхъ мотивахъ, по которымъ совѣту министровъ вовсе не слѣдовало бы строить свои законопроекты на началѣ и во имя „свободы совѣсти“. Съ

философски-психологической точки зрѣнія „совѣсть“ есть внутренній судія—свидѣтель въ человѣкѣ; она крѣпкимъ оплотомъ—тѣломъ человѣка ограждена отъ какихъ бы то ни было вліяній на нее со стороны другихъ людей и государства. Вотъ почему лучшіе юристы, какъ Іог. Блюнчли, заявляютъ: „*свобода совѣсти не есть юридическое понятіе и совсѣмъ* не нуждается въ человѣческой, правовой защитѣ“. Иное дѣло, когда „свобода совѣсти“ переходитъ въ „свободу вѣроисповѣданія“—въ область религіи,—т. е. становится достояніемъ человѣческой воли и проявляется *во внѣ*, тогда она, какъ *вѣроисповѣданіе*, подлежитъ внѣшней, сторонней регламентаціи. Въ послѣднемъ случаѣ и должно уже говорить о той или иной свободѣ и несвободѣ *вѣроисповѣданія*, и вопросъ объ этомъ, дѣйствительно, становится вопросомъ права, какъ церковнаго, такъ и государственнаго. Почему совѣтъ министровъ и долженъ былъ бы говорить не о „свободѣ совѣсти“, а о *свободѣ вѣроисповѣданія*, тѣмъ болѣе, что и „основные законы“ не знаютъ „свободы совѣсти“, а только „свободу вѣры“ или „вѣротерпимость“ *).

*) Манифестъ 17 октября 1905 г. говорилъ *не* о религіозной свободѣ совѣсти, а о „*гражданской*“. Вотъ почему „правила 4 марта 1906 г.“

Порвавъ ископную связь Русскаго Государства съ Православною Церковью въ дѣлѣ обсужденія и выработки вѣроисповѣдныхъ законовъ, правительство и въ дальнѣйшемъ пошло по пути освобожденія государства отъ конфессіопальнаго элемента, сокращая и измѣняя въ этомъ направленіи наше *законодательство* по дѣламъ вѣры.

Здѣсь, прежде всего, какъ и повсюду, въ странахъ, обосновавшихся на принципѣ „свободы совѣсти“, пострадали интересы первенствующей и господствующей въ государствѣ церкви. Сохраняя въ силѣ ограниченія особыхъ привилегій Православной Церкви, произведенныя съ 17 апрѣля 1905 г., министерство внутреннихъ дѣлъ съ своей стороны подъ разными „благовидными предлогами“ умножаетъ эти ограниченія.

Конечно, на этомъ пути оно сразу же столкнулось съ „основными законами“, силою которыхъ было обязано „неизмѣнно стоять на стражѣ правъ и преимуществъ Православной Церкви, какъ господствующей въ государствѣ“. „Подчеркивая свою вѣрность „основнымъ законамъ“ и заявляя, что „особливая защита Православной Церкви

основались на манифестѣ 17 октября 1905 г., а „правила 17 октября 1906 г.“ на „Указѣ 17 апрѣля 1905 г.“.

должна быть признана актомъ государственной мудрости", министерство внутреннихъ дѣлъ, однако, спѣшитъ проложить слѣдующій разсудочный мостъ къ направленію нашего законодательства на путь вѣроисповѣдной комиссіи „новаго государства". По заявленію министерства, изъ основныхъ законовъ „не слѣдуетъ, чтобы за Православною Церковью обязательно и полностью были сохранены всѣ предоставленныя ей дѣйствующими законами преимущества. Нѣкоторыя изъ этихъ преимуществъ не являются вовсе прямымъ слѣдствіемъ господствующаго ея положенія, *признаки коего къ тому же не опредѣлены точнымъ образомъ въ законѣ* *). Кромѣ того, извѣстныя привилегіи Православной Церкви направлены, собственно, не столько къ упроченію первенствующаго ея значенія, сколько къ ограниченію правъ другихъ вѣроисповѣданій. Сохраненіе этихъ преимуществъ не совмѣстимо съ свободой совѣсти и ихъ отмѣна представляется совершенно необходимою".

Вотъ тотъ фундаментъ, на которомъ министерство обосновало свои ограниченія привилегій Православной Церкви. Несчастность этого фундамента, произволъ въ его кладкѣ—все это рѣзко

*) Курсивъ нашъ.

бросается въ глаза. Достаточно хотя на мигъ согласиться съ заявленіемъ министерства, что „признаки господствующаго положенія Православной Церкви не опредѣлены точнымъ образомъ въ законѣ", какъ откроется широкій просторъ для каждаго кроить это „господство" по своему усмотрѣнію!.. Отъ всего „первенства и господства" церкви въ такомъ случаѣ можетъ остаться не только пустой звукъ, но и нѣчто неизмѣримо худшее, когда получится „первенство и господство" *надъ церковью!..* За примѣрами ходить недалеко!.. Еще въ 1905 году комитетъ министровъ находилъ возможнымъ заявлять: „неизмѣнно подлежать сохраненію и на будущее время преимущества, *главнымъ образомъ* придающія Православной Церкви значеніе господствующей: принадлежность къ ней Государя Императора, свобода привлеченія послѣдователей и полученіе денежныхъ средствъ для удовлетворенія нуждъ своихъ изъ общегосударственныхъ доходовъ" (Высоч. утвержд. 17 апрѣля 1905 г. журналъ Ком. Мин. отъ 25 января 1, 8 и 25 февраля 1905 г.). Черезъ два года послѣ сего совѣтъ министровъ уже не находитъ въ законахъ не только „второстепенныхъ", но и „главныхъ" признаковъ первенства и господства церкви въ государствѣ. Поучительная

страница въ государственной жизни Россіи!..

Между тѣмъ, вопреки заявленію Министерства Внутр. Дѣлъ, наши законы *ясно* и *точно* опредѣляютъ признаки господства Церкви. Заглянемъ, прежде всего, въ „Основн. Законы". Здѣсь мы находимъ *главнѣйшіе* признаки первенствующаго положенія Православной Церкви въ Государствѣ,—это: 1) Императоръ, Престоломъ Всероссійскимъ обладающій, не можетъ *исповѣдывать* никакой иной вѣры, кромѣ Православной (ст. 63-я); 2) Императоръ, яко Христіанскій Государь, есть верховный *защитникъ* и *хранитель* догматовъ господствующей вѣры, и *блюститель* православія и всякаго въ Церкви святой благочинія (ст. 64-я); 3) всѣ не принадлежащіе къ господствующей Церкви подданные Россійскаго Государства и т. д... пользуются каждый повсемѣстно *только* „свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія, по обрядамъ оной" (ст. 66-я) *), при чемъ, что особенно важно,—„Основные Законы" даже въ послѣдней редакціи ихъ 23 апрѣля 1906 г. нарочито подчеркиваютъ въ особомъ примѣчаніи къ ст. 68-й, что „*правила охраненія вѣротерпимо-*

*) Въ неполнотѣ правъ не православныхъ, безспорно, сказывается также главное „преимущество" Православ. Церкви.

сти (по отношенію къ гражданамъ инославныхъ исповѣданій и иновѣрцамъ въ Имперіи Россійской) *и предѣлы ея подробно означены въ Уставахъ по принадлежности*". Отсюда понятно, что „предѣлы вѣротерпимости и правила охраненія ея", начертанныя въ другихъ законодательныхъ актахъ, санкціонированы силою „Основныхъ Законовъ" и, посему, безъ почина Государя, измѣненію не подлежатъ. Иначе, страшною являлась бы ссылка „Основныхъ Законовъ" на такіе законодательные акты, которые въ части, указываемой „Основными Законами", не отпадали бы приведеннымъ свойствомъ „Основныхъ Законовъ". Вѣдь въ противномъ случаѣ можетъ статься, что „Основные Законы" найдутъ въ Уставахъ, о которыхъ они говорятъ, вмѣсто *подробныхъ* указаній на предѣлы вѣротерпимости и правила, охраняющія ея одно только пустое мѣсто! Развѣ это не будетъ упраздненіемъ „Основныхъ Законовъ"?!.

Но, быть-можетъ, намъ скажутъ, какъ говорилъ въ Думской комиссіи Маклаковъ, что примѣчаніе къ 68-й ст. „Основныхъ Законовъ" требуетъ только *указанія* „предѣловъ вѣротерпимости" и „правилъ охраненія ея въ Уставахъ по принадлежности, но что самые „правила" и „предѣлы" могутъ

падаваться въ общемъ порядкѣ для изданія законовъ, за исключеніемъ „основныхъ“. Это мнѣніе отвергается уже высказанными нами положеніями. Оно неосновательно еще и потому, что „Основные Законы“ въ приведенномъ „примѣчаніи“ къ 68-й ст. указываютъ не только источникъ, откуда почерпаются подробныя свѣдѣнія о вѣротерпимости, но имѣютъ въ виду и самыя „правила охраненія вѣротерпимости и предѣлы ея“, *опредѣленно и точно* изложенныя въ Уставахъ по принадлежности. И это тѣмъ болѣе понятно, что еще такъ недавно „Основные Законы“ редактировались вновь и, конечно, имѣли въ виду опредѣленные дѣйствующіе „Уставы“ съ точнымъ изложеніемъ въ нихъ „предѣловъ вѣротерпимости“. Вспомнимъ, что и самъ Комитетъ Министровъ, съ утвержденія Государя 17 апрѣля 1905 г., призналъ, напримѣръ, въ „свободѣ привлеченія послѣдователей“ главный признакъ первенства Православной Церкви и тѣмъ самымъ „предѣлъ“ государственной вѣротерпимости по отношенію къ неправославнымъ; онъ же указалъ на „*неизмѣняемость*“ этого признака и поставилъ его на ряду съ другимъ, проведеннымъ въ 63-й ст. „Основныхъ Законовъ“, чѣмъ и подтвердилъ нашу мысль о „неизмѣняемости“, безъ почина Госу-

даря, предѣловъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ Уставахъ по принадлежности, въ силу указанія на нихъ „Основныхъ Законовъ“ (примѣч. къ ст. 68-й).

А если такъ, что безспорно, то силу неизмѣняемости, безъ почина Государя, имѣютъ всѣ статьи подлежащихъ „Уставовъ“, означающія „предѣлы“ охраненія ея, а также одновременно свидѣтельствующія и о главныхъ признакахъ первенства и господства Православной Церкви въ Россіи. Здѣсь прежде всего мы останавливаемся на ст. 4-й Уст. иностр. испов.: „въ предѣлахъ государства одна господствующая Православная Церковь имѣетъ право убѣждать послѣдователей иныхъ Христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцевъ къ принятію ея ученія и вѣры. Духовныя же и свѣтскія лица прочихъ христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцы строжайше обязаны не прикасаться къ убѣжденію совѣсти не принадлежащихъ къ ихъ религіи“... Замѣчательно, что приведенная статья стоитъ въ „Уставѣ“ послѣ изложенія „Основныхъ Законовъ“ о вѣрѣ, чѣмъ ясно свидѣтельствуется, что именно ее имѣетъ въ виду „примѣчаніе“ къ ст. 68-й „Осн. Зак.“, какъ „предѣлъ вѣротерпимости“. Изъ другихъ статей „Уст. иностр. исп.“ заслуживаютъ въ данномъ случаѣ вниманія статьи:

256, 779, 1102 и 1110-я, какъ также говорящія о „предѣлахъ вѣротерпимости“,—онѣ повелѣваютъ евангелическо-лютеранской и другимъ инославнымъ церквамъ воздерживаться отъ прозелитизма и всякаго рода дѣйствій, съ цѣлью склонить къ переходу въ ихъ исповѣданіе непринадлежащихъ къ послѣднему лицъ.

Съ такимъ же характеромъ являются и статьи: 70, 77, 45 и 53-я „Устава о пред. и пресѣч. прест.“. Всѣ онѣ *точно* обозначаютъ признаки первенства Православной Церкви и „предѣлы“ государственной вѣротерпимости. Такъ, послѣ указанія на „Основные Законы“ о вѣрѣ въ ст. 65-й, „Уставъ о пред. и пресѣч. прест.“ говоритъ: „одна господствующая церковь имѣетъ право въ предѣлахъ государства убѣждать непринадлежащихъ къ ней подданныхъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ (ст. 70-я)“... Далѣе: „тѣ же правила терпимости, которыя сохраняетъ правительство, обязываютъ всякую духовную власть и всякое частное лицо иностраннаго христіанскаго и иновѣрнаго исповѣданія не прикасаться въ дѣлахъ вѣры къ убѣжденію совѣсти послѣдователей другихъ вѣръ. Посему, всякое малѣйшее помѣшательство Церкви Православной въ правилахъ ея и въ священнослуженіи, оскорбленіе чѣмъ-ли-

бо ея служителей и всякое отвлеченіе не только отъ нея, но и отъ другихъ терпимыхъ вѣръ, строжайше запрещаются“ (ст. 77-я). Въ ст. 53-й запрещается заводить или распространять между православными какія-либо ереси, а 45-я ст. запрещаетъ „раскольникамъ“ или, по настоящей терминологіи, „старообрядческимъ согласіямъ“, „сектантству“ и „изувѣрнымъ ученіямъ“ совращать и склонять кого-либо въ „расколъ свой“.

Что касается правилъ *охраненія* „вѣротерпимости“, то и они *точно* начертаны въ дѣйствующихъ законахъ, какъ напримѣръ: ст. 298, 299, 725 и 783-я „Общ. Губ. Учрежд.“; ст. 295-я „Уст. ин. исп.“; ст. 78—81-я „Уст. о пред. и пресѣч. прест.“; ст. 90, 93-я „Нов. Уг. Улож.“...

Уже изъ перечисленныхъ нами статей законовъ видно, что, вопреки заявленію министерства, „признаки господствующаго положенія“ Православной Церкви опредѣлены *точнымъ образомъ* въ законѣ, что „Основные Законы“ не только *въ своихъ* статьяхъ регламентировали проявленія первенства и господства Церкви въ Россіи, но и укрѣпили силу *другихъ* статей, разсѣянныхъ въ разныхъ законодательныхъ источникахъ, которыя съ надлежащею подробностью развиваютъ смыслъ ос-

бенно ст. 64-й „Основ. Зак.“, свидѣтельствуя, *въ чемъ* проявляются обязанности Государя по отношенію къ Церкви, какъ „верховнаго *защитника* и *хранителя* догматовъ господствующей вѣры, и *блюстителя* правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочинія“.

Не соглашаясь съ заявленіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, что якобы „признаки господствующаго положенія Православной Церкви“ не опредѣлены точнымъ образомъ въ законѣ, мы не можемъ согласиться и съ другимъ заявленіемъ Министерства, что, якобы изъ Основныхъ Законовъ не слѣдуетъ, чтобы за Православною Церковью обязательно и полностью были сохранены всѣ предоставленныя ей „дѣйствующими законами преимущества“.

Во-1-хъ, коль скоро извѣстное „преимущество“ является осуществленіемъ въ жизни государства ст. 64-й „Основ. Зак.“ и „примѣчанія къ ст. 68-й, а равно и статей 66-й и 67-й, то-есть,— коль скоро мы имѣемъ дѣло съ *дѣйствительнымъ* проявленіемъ „преимущества“ Церкви, то оно „обязательно и полностью“, въ силу Основныхъ Законовъ, должно быть сохранено.

Во-2-хъ, самая расцѣнка преимуществъ, предоставленныхъ Православной Церкви дѣйствующими законами,

принадлежитъ не Совѣту Министровъ, а, въ силу 65 ст. „Основныхъ Законовъ“, Государю Императору, дѣйствующему въ этомъ отношеніи исключительно „посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода“ *). Вотъ почему министерство не имѣло никакихъ законныхъ основаній не только къ произведенному дѣленію „преимуществъ“ Православной Церкви на разряды, по степени кажущагося ему значенія ихъ для Церкви, но и къ самому сужденію объ этихъ преимуществахъ, тѣмъ болѣе, къ сужденію безъ всякаго соглашенія съ высшею церковною властью!.. **)

---

*) Подъ „управленіемъ церковнымъ“, о которомъ говорится въ 65 ст. „Осн. Зак.“, наши законы разумѣютъ внѣшнее положеніе Церкви въ государствѣ, ея бытъ и ученіе. Все это ясно вытекаетъ изъ разсмотрѣнія „Устава дух. дѣлъ иностр. испов.“, который говоритъ объ „управленіи“ и разумѣетъ подъ нимъ вышеизложенное (см. наприм. „Введеніе“ и ст. 252, 253, 256, 269, и мног. друг.). Тоже доказывается и содержаніемъ ст. 62, 63, 64-й Осн. Зак.

**) Съ цѣлью болѣе успѣшнаго упраздненія преимуществъ Православной Церкви, министерство выдѣлило изъ нихъ: во-1-хъ, преимущества, которыя, де, „не являются прямымъ слѣдствіемъ господствующаго положенія Церкви“ и во-2-хъ,—которыя, де, „направлены собственно не только къ упроченію первенствующаго ея значенія, сколько къ ограниченію правъ другихъ вѣроисповѣданій!..“ Не указавъ никакихъ основаній къ такому выдѣленію, министерство

Итакъ, заложенный министерствомъ фундаментъ для обоснованія учиненнаго имъ ограниченія привилегій Церкви не только противорѣчитъ разсудочнымъ соображеніямъ и исконнымъ отношеніямъ между Православною Церковью и русскимъ государствомъ, но и стоитъ въ неустранимомъ противорѣчіи особенно съ „Основными Законами!..“

Обратимся теперь къ тѣмъ ограниченіямъ правъ господства и первенства Православной Церкви, которыя произведены министерствомъ въ разсматриваемомъ нами основномъ его законопроектѣ по дѣламъ вѣры.

Прежде всего, министерство говоритъ о преимуществахъ „характера внѣшняго“. Къ нимъ оно относитъ такія, которыя, де, „*не являются какимъ бы то ни было нарушеніемъ интересовъ другихъ вѣроисповѣданій*“, а потому и сохраненіе каковыхъ въ силѣ „не можетъ, де, быть признано противорѣчащимъ принципамъ свободы совѣсти“. Поэтому, по мнѣнію Министерства, „неизмѣнно подлежатъ сохраненію и на будущее время преимущества, главнымъ образомъ, придающія Православ-

тѣмъ самымъ предоставило себѣ широкій произволъ въ перечисленіи въ тотъ или иной разрядъ преимуществъ, Православной Церкви, закрѣпленныхъ дѣйствующими законами!..

ной Церкви значеніе господствующей: принадлежность къ ней Государя Императора, а также Наслѣдника Престола, Императрицы и супруги Наслѣдника (ст. 63 и 185 Осн. Зак.)“: затѣмъ преимущества, поименованныя въ ст. 72-й Уст. Пред. Пр., ст. 98-й Угол. Улож., п. п. 2 и 3-й ст. 93-й Угол. Улож.; еще признаніе за церковными праздниками Правосл. Церкви значенія гражданскихъ праздниковъ, освященное. стародавнимъ обычаемъ первенствующее положеніе Православной Церкви во время торжественныхъ церемоній, сопровождающихся совершеніемъ богослуженія, и, наконецъ, освобожденіе переписки объ учрежденіи православныхъ монастырей, общинъ и миссій отъ гербоваго сбора (п. 3-й ст. 77 Уст. Герб.).

Конечно, всѣ перечисленныя преимущества должны быть полностью сохранены. Но при этомъ должно замѣтить, что, напримѣръ, вспомоществованіе губернскаго начальства Православной Церкви во время проповѣданія ею своего ученія „иновѣрнымъ“ и охраненіе православныхъ проповѣдниковъ (ст. 72-я Уст. Пред. Прес.) останется и впредь *дѣйствительнымъ* преимуществомъ Православной Церкви только при непремѣнномъ условіи сохраненія за одною Православной Церковью пра-

ва проповѣди ею своего ученія всѣмъ непринадлежащимъ къ ней подданнымъ Россійской Имперіи. Иначе, если означеннымъ правомъ могутъ пользоваться и другія исповѣданія, то губернское начальство, безъ сомнѣнія, по соображеніямъ государственнаго и общественнаго спокойствія, вынуждено будетъ распространить дѣйствія ст. 72-й Уст. Пред. Пресѣч. Прест. и на другія исповѣданія. Это тѣмъ болѣе понятно, что ст. 72-я Уст. Пред. Пр., какъ видно изъ неразрывной связи ея съ другими статьями того же Устава, можетъ быть примѣняемъ къ одной Православной Церкви только въ томъ случаѣ, когда останется въ полной силѣ статьи 70-я и 77-я Устава. За упраздненіемъ же или измѣненіемъ существеннаго смысла послѣднихъ статей и 72-я теряетъ значеніе преимуществъ Православной Церкви, что мы уже и видимъ на практикѣ, когда сектантскіе проповѣдники, съ разрѣшенія губернской администраціи и Министерства Внутрен. Дѣлъ, выступаютъ въ публичныхъ мѣстахъ съ проповѣдью своего ученія. Губернское начальство, даже при явной незаконности подобныхъ выступленій, оказываетъ сектантскимъ проповѣдникамъ содѣйствіе, предусмотрѣнное ст. 72-й Уст. Пред. Прес., потому только, что

упомянутыя публичныя выступленія являются административно-разрѣшенными. Чего же ожидать, когда эти выступленія будутъ санкціонированы закономъ?!.

Далѣе. Признаніе за церковными праздниками Православной Церкви значенія гражданскихъ праздниковъ можетъ быть *дѣйствительнымъ преимуществомъ* Церкви только въ томъ случаѣ, когда означенные праздники не являются *общехристіанскими*, а празднуемы исключительно Православною Церковью. При этомъ необходимо, чтобы гражданская власть въ дѣлѣ выясненія смысла и значенія праздниковъ руководилась ученіемъ Православной Церкви и постановленіями высшей церковной власти, а не собственными измышленіями въ духѣ, напримѣръ, закона 10 мая 1904 г.!..

Освященное стародавнимъ обычаемъ первенствующее положеніе Православной Церкви во время торжественныхъ церемоній, сопровождающихся совершеніемъ богослуженія, такое можетъ явиться *замѣтнымъ* преимуществомъ Церкви только въ томъ случаѣ, когда „стародавній обычай“ распространится и на *сохраненіе* самыхъ „торжественныхъ церемоній“, къ чему за послѣдніе годы государство стало относиться отрицательно. Достаточно вспомнить

реформу въ чествованіи „царскихъ и торжественныхъ дней!..“

Освобожденіе переписки объ учрежденіи православныхъ монастырей, общинъ и миссій отъ гербоваго сбора врядъ ли можетъ быть отнесено къ признакамъ, *главнымъ образомъ*, придающимъ Православной Церкви значеніе господствующей!.. Это такая ничтожная привилегія, что о ней, обычно, упоминаютъ только въ томъ случаѣ, когда желаютъ *чѣмъ бы то ни было* подчеркнуть преимущество Церкви; усиливать же значеніе подобныхъ привилегій равносильно стремленію ослабить значеніе, *дѣйствительно*, главныхъ преимуществъ Церкви, чтобы тѣмъ самымъ безпрепятственнѣй стереть ихъ!..

Съ особеннымъ вниманіемъ мы останавливаемся на заявленіи Министерства, что „неизмѣнно подлежатъ сохраненію и на будущее время“ статьи 63-я и 185-я Основ. Законовъ, потому что онѣ, де, „не являются какимъ бы то ни было нарушеніемъ интересовъ другихъ вѣроисповѣданій“ и „не противорѣчатъ принципамъ свободы совѣсти“!.. Для насъ является, прежде всего, незаконнымъ самый фактъ защиты Министерствомъ означенныхъ статей Основн. Законовъ и внесеніе имъ своей защиты на судъ Думской трибуны!

Основные Законы не только не нуждаются въ такой защитѣ, но даже и не подлежатъ, безъ особаго на то соизволенія Государя, обсужденію Министерства. Самый починъ обсужденія Основныхъ Законовъ съ тою или иною цѣлью принадлежитъ только Государю Императору. Да притомъ, если бы Государь и пожелалъ возбудить вопросъ о пересмотрѣ „Основн. Законовъ“ по дѣламъ вѣры, то, безъ сомнѣнія, на основаніи ст. 65 Основн. Закон. о правомѣрности русской Монархіи, это дѣло пошло бы не въ Государственную Думу!.. Но, предлагая Думѣ войти въ незаконное обсужденіе мотивовъ сохраненія ст. 63-й и 185-й Основ. Законовъ, Министерство, сверхъ того, жестоко погрѣшило и противъ смысла существованія означенныхъ статей Основн. Законовъ. Эти статьи существуютъ отнюдь не потому, что онѣ „не“ противорѣчатъ принципамъ свободы совѣсти и не потому, что онѣ „не являются какимъ бы то ни было нарушеніемъ интересовъ другихъ вѣроисповѣданій“!.. Если бы съ приведенной точки зрѣнія разсматривать вопросъ о сохраненіи ст. 63-й и 185-й Осн. Зак., то ихъ упраздненіе явилось бы прямо необходимымъ. Кто же не знаетъ, что принципъ „свободы совѣсти“ никоимъ образомъ не можетъ мириться съ при-

нуждениемъ кого бы то ни было исповѣдывать опредѣленную вѣру?!. Кто не знаетъ, что запрещеніе кому бы то ни было исповѣдывать, напримѣръ, католичество, или протестантство является нарушеніемъ интересовъ этихъ исповѣданій?!. А если принять во вниманіе, о комъ говорятъ вышеозначенныя статьи, то станетъ слишкомъ понятнымъ интересъ каждаго исповѣданія въ обладаніи этимъ Лицомъ! Нѣтъ, не по министерскимъ мотивамъ, чуждымъ конфессіональнаго оттѣнка, занесены и хранятся въ Основн. Законахъ статьи 63-я и 185-я. Въ нихъ сказывается верховенство въ Государствѣ души и идеала строителя Русской Земли православнаго русскаго народа. На это верховенство русскій народъ ни отъ кого не получалъ „привилегій“; онъ самъ его создалъ подъ сѣнью Православной Церкви и вмѣстѣ съ нею владѣетъ этимъ верховенствомъ по принадлежащему ему и Церкви *праву*. Всякое посягательство на это право явится насиліемъ надъ душою русскаго народа и вызоветъ со стороны послѣдняго еще большій протестъ, чѣмъ какимъ онъ отвѣтилъ врагамъ своего физическаго верховенства въ Государствѣ въ формѣ *Самодержавной* и *неограниченной* власти Русскаго Царя. Въ Православіи Государя русскій на-

родъ всегда видѣлъ верховенство своей души въ Русскомъ Государствѣ, а въ Самодержавіи—верховенство тѣла или своей физической мощи. Вотъ гдѣ скрывается причина „неизмѣннаго сохраненія“ статей 63-й и 185-й Основныхъ Законовъ, а не въ требованіяхъ пресловутой „свободы совѣсти“, самое упоминаніе о которой совершенно чуждо текста нашихъ законовъ.

Перейдемъ теперь къ привилегіямъ Православной Церкви *въ отношеніи пропаганды устной и письменной*. Извѣстно, что, по дѣйствующимъ законамъ, право проповѣди своего вѣроученія съ цѣлью склоненія въ него лицъ другихъ вѣръ и исповѣданій принадлежитъ только Православной Церкви. Правда, уже до разсматриваемыхъ нами министерскихъ законопроектовъ наше государство, какъ мы сказали, почти совсѣмъ уничтожило уголовную наказуемость пропаганды нехристіанами и инославными христіанами своего вѣроученія, признавъ уголовно преступной только пропаганду съ цѣлью совращенія православныхъ и то не всякую пропаганду, а исключительно *публичную*. Но все же въ соотвѣтствующихъ уставахъ въ полной силѣ и доселѣ остается привилегія Православной Церкви на исключительное пользованіе правомъ проповѣди и

всякое посягательство на эту привилегію должно и теперь караться мѣрами административными.

И вотъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ своемъ законопроектѣ уничтожаетъ исключительное право Православной Церкви на проповѣдь ею своего вѣроученія всѣмъ иномыслящимъ. Къ этому оно подготовляло почву уже на первыхъ страницахъ законопроекта, когда, напримѣръ, освобожденіе переписки объ учрежденіи православныхъ монастырей отъ гербоваго сбора причислило къ преимуществамъ, главнымъ образомъ, придающимъ Православной Церкви значеніе господствующей, а о правѣ Церкви на проповѣдь не упомянуло въ перечнѣ главныхъ преимуществъ Церкви. Во имя „свободы совѣсти“ и на основаніи ряда самопротиворѣчивыхъ сужденій Министерство предлагаетъ *„предоставить право проповѣди всѣмъ признаннымъ въ Имперіи вѣроисповѣданіямъ, а въ томъ числѣ и старообрядчеству и отставшимъ отъ православія сектамъ*, отмѣнивъ дѣйствіе статей 4, 256, 779, 1102 и 1110 Уст. Ин. Исп. и 45, 70 и 77 Уст. Пред. Прест.“ *).

*) Министерство указываетъ на то, что „каждое религіозное общество имѣетъ вполнѣ естественную тенденцію распространенія и расширенія“ и что ограниченіе этой тенденціи или

Лишивъ Православную Церковь ея главнаго преимущества и предоставивъ право проповѣди всѣмъ признаннымъ въ Имперіи вѣроисповѣданіямъ, Министерство тѣмъ самымъ не только быстро перешло на путь такъ называемаго „общаго христіанства", но не сдѣлало различія даже вообще между христіанствомъ и нехристіанствомъ. То и другое для него явились равноцѣнными, что̀ тоже безразличными по своей религіозной основѣ. Здѣсь правительственный впѣконфессіонализмъ обрисовался полностью. Упомяніе Мини-

---

ея совершенное воспрещеніе является существеннымъ умаленіемъ свободы совѣсти. Но тогда почему Министерство совершенно воспрещаетъ проявленіе „естественной тенденціи къ распространенію и расширенію" у хлыстовъ и скопцовъ?!. Ясно, что рѣшать подобные вопросы съ точки зрѣнія потребности „естества" каждаго религіознаго общества отнюдь нельзя!.. На такой почвѣ можно слишкомъ далеко зайти!.. Часто „естественное проявленіе религіознаго чувства" извѣстной секты является въ то же время насиліемъ надъ „естественнымъ проявленіемъ религіознаго чувства" лицъ, принадлежащихъ къ другимъ сектамъ. Да притомъ и самое понятіе „естественный" является крайне неопредѣленнымъ. Оцѣнивать же достоинство̀ извѣстныхъ религіозныхъ „тенденцій" соотвѣтствіемъ ихъ „естеству" лицъ, проводящихъ въ жизнь эти тенденціи, крайне рискованно, потому что самое „естество" является грѣховнымъ. Отсюда происходятъ изувѣрства и развратъ сектъ, какъ „естественныя проявленія религіознаго чувства" такихъ сектантовъ!..

стерства о сохраненіи ст. 90-й „Уг. Ул.“ нисколько не мѣняетъ дѣла, такъ какъ эта статья является ничтожнымъ осколкомъ разрушеннаго министерствомъ фундамента; притомъ и самое сохраненіе 90-й ст. Уг. Ул. должно быть признано сомнительнымъ, въ виду заявленія въ законопроектѣ за № 1476-мъ, что „вѣроисповѣднымъ обществамъ предоставляется право *безпрепятственнаго* распространенія своего ученія“!..

Останавливаясь далѣе на тѣсно связанномъ съ религіозною пропагандою вопросѣ о религіозномъ совращеніи, Министерство довершаетъ совершенное изгнаніе конфессіи изъ этой сферы нашего законодательства. Весьма важными въ данномъ случаѣ являются тѣ мотивы, на которыхъ Министерство обосновало изгнаніе религіознаго совращенія изъ числа самостоятельныхъ преступленій. „Въ государствѣ, не признающемъ теократическаго начала (?!) и допускающемъ хотя нѣкоторую степень вѣротерпимости (?!), заявляетъ Министерство, всякая мѣра, направленная противъ совратителей въ дѣлахъ религіи, не прибѣгавшихъ къ преступнымъ средствамъ для совращенія, является непослѣдовательною и логически несостоятельною“. Такое утвержденіе Министерства, однако, справедливо только относительно государства,

„не признающаго теократическаго начала", т.-е. чуждаго какой-либо конфессіи или связи съ какою-либо Церковью. Но вѣдь Министерство не разъ заявляло, что оно якобы противъ отдѣленія государства отъ Церкви! Тогда къ чему оно въ вопросѣ о религіозномъ совращеніи обосновалось на принципахъ, внѣконфессіональнаго государства?.. Что же касается государства, допускающаго хотя нѣкоторую степень вѣротерпимости, то въ такомъ государствѣ всегда преступность религіозныхъ совращеній оцѣнивалась не только съ точки зрѣнія средствъ совращенія, но, что особенно важно, и съ точки зрѣнія чисто-конфессіональной, т.-е. съ точки зрѣнія качества самаго совращенія,— въ какую вѣру, исповѣданіе или секту произошло совращеніе: въ признанную, терпимую или недозволенную. Въ зависимости отъ этого стоитъ въ такомъ государствѣ и степень наказанія или взысканія за религіозныя совращенія. Если отвергнуть наказуемость религіознаго совращенія, независимо отъ средствъ совращенія, которыя могутъ быть признаны преступными и съ общей точки зрѣнія, а не религіозной только, то прежде необходимо отвергнуть то различіе достоинства вѣръ и сектъ, которымъ обусловленъ въ государственномъ законодательствѣ самый фактъ

религіознаго совращенія. Лишь когда государство усвоитъ систему полнаго безразличія къ вѣрѣ, т.-е. станетъ безрелигіознымъ, чего на дѣлѣ никогда и нигдѣ не было и не можетъ быть, тогда для него не будетъ существовать и факта религіознаго совращенія. А пока государство держится извѣстной религіи, пока оно покоится только на началахъ „вѣротерпимости", оно должно считаться и съ фактомъ религіозныхъ совращеній и оцѣнивать его съ точки зрѣнія пользы, вреда или безразличія для содержимой имъ религіи, или религіи господствующей, привилегированной, а также и съ точки зрѣнія на другія, существующія въ государствѣ религіи и секты, которыя могутъ быть признанными, терпимыми и запретными.

Не можемъ мы согласиться и съ слѣдующимъ соображеніемъ Министерства, на которомъ оно обосновало свое отношеніе къ вопросу о религіозномъ совращеніи. „Логически послѣдовательнымъ представляется, по мнѣнію Министерства, или совершенное воспрещеніе въ государствѣ всѣхъ неприпадлежащихъ къ господствующей церкви вѣроисповѣданій, или непреслѣдованіе совратителей, поскольку они не пользовались при совращеніи средствами, самими по себѣ преступными". Къ со-

жалѣнію, никакой „логической послѣдовательности“ въ приведенномъ соображеніи мы не видимъ! Если бы мы стали искать на земномъ шарѣ такое государство, которое признало бы приведенную Министерствомъ дилемму для себя дѣйствительно существующей, то мы обрекли бы себя на безплодную работу Данаидъ. Какъ съ научной точки зрѣнія, такъ равно и съ точки зрѣнія практической вѣроисповѣдной политики всѣхъ государствъ, *исповѣданіе* вѣры никогда не отожествляется съ *совращеніемъ* въ нее другихъ. Исповѣданіе вѣры существуетъ вполнѣ самостоятельно и есть *личное* общеніе человѣка съ Богомъ, въ то время какъ совращеніе есть актъ, направленный на другихъ лицъ. Отсюда возможна свобода исповѣданія вѣры на ряду съ воспрещеніемъ религіозной пропаганды и совращеній. Напримѣръ, у насъ магометане и евреи пользуются свободой исповѣданія своей вѣры, но не совращенія въ нее помышляющихъ, что было бы невозможно при тожествѣ понятій: „исповѣданіе вѣры“ и „совращеніе въ вѣру“. Даже въ классической странѣ пресловутой „свободы совѣсти“ — въ Сѣв. Америкѣ на ряду съ свободой вѣроисповѣданія стоятъ и мѣры запрета совращеній въ секты, религіозное ученіе которыхъ несовмѣстимо съ мо-

ралью государства, хотя бы совращеніе, напримѣръ, въ мормонство произошло и путемъ убѣжденій. Да и само Министерство не находитъ же возможнымъ допустить совращеніе въ хлыстовство или скопчество, признавая наказуемой самую принадлежность къ этимъ сектамъ?!.

Въ дальнѣйшей мотивировкѣ своего отношенія къ совращеніямъ Министерство является также вполнѣ несостоятельнымъ. Такъ, оно исходитъ изъ той мысли, что на совращеніе нельзя смотрѣть, какъ на особый видъ подстрекательства къ отступленію отъ вѣры, потому что самое отступленіе отъ вѣры нынѣ не является воспрещеннымъ дѣяніемъ. Но кто же смотритъ на совращеніе, какъ на подстрекательство къ отступленію отъ вѣры?!. Наше законодательство, да и здравый смыслъ смотритъ на совращеніе, какъ на заключительный актъ проповѣди кѣмъ-либо своего ученія другому, съ нимъ до того разномыслящему. Вотъ почему и дѣйствующее уголовное уложеніе признаетъ совращеніе *цѣлью* проповѣди. Такъ смотрѣло нѣсколько выше въ томъ же законопроектѣ и само Министерство, когда говорило о 90 ст. Угол. Улож.!.. Но если проповѣдь съ цѣлью совращенія уголовно наказуется, то какъ же оставить безнаказаннымъ до-

стиженіе цѣли, т. е. состоявшееся совращеніе?!. Чувствуя полную несостоятельность своего взгляда на совращеніе, Министерство сочло долгомъ дать удивительное по своей нелогичности объясненіе того некрасиваго положенія, въ какое оно поставило себя признаніемъ ст. 90-й Угол. Улож. и въ то же время отмѣною наказуемости религіозныхъ совращеній. По ст. 90-й Угол. Улож., говоритъ Министерство, наказуется лишь публичная проповѣдь съ цѣлью совращенія православныхъ. Отсюда и совращеніе можетъ быть наказуемо, какъ слѣдствіе только публичной проповѣди. Но и въ этомъ случаѣ оно будетъ наказываться по той же 90-й ст., какъ и самая публичная проповѣдь съ цѣлью совращенія. Словомъ, для наказанія совращенія не требуется особой статьи, и наказуемость собственно за совращеніе не должна имѣть мѣста въ уголовномъ кодексѣ. Но, очевидно, Министерство упустило изъ виду, что этимъ попирается самое главное въ законѣ—чувство мѣры и справедливости въ опредѣленіи степени наказанія, такъ какъ стремленіе къ преступной цѣли и самое достиженіе цѣли наказуются одинаково, болѣе того, такъ какъ, собственно говоря, покушеніе на совращеніе наказуется, а самое совращеніе остается безнаказаннымъ!.. Отсю-

да недалеко до потери уваженія къ законамъ!..

Стоитъ ли такою цѣною насаждать въ Россіи и притомъ еще пресловутое благо „свободы совѣсти“?!. Но еще болѣе насъ удивляетъ полное отсутствіе даже тѣни логической послѣдовательности, когда мы въ томъ же законопроектѣ черезъ нѣсколько строкъ читаемъ о сохраненіи ст. 84-й и 85-й Уг. Ул., предусматривающихъ совращеніе въ изувѣрныя ученія, при чемъ Министерство уже говоритъ о „естественныхъ границахъ“ для права религіозной пропаганды, опредѣляемыхъ соображеніями *общегосударственнаго свойства?*..

И вотъ, на основаніи произвольныхъ и самопротиворѣчивыхъ соображеній, несогласныхъ ни съ наукою, ни съ жизнью государствъ, Министерство предлагаетъ Думѣ „совершенно исключить совращеніе изъ числа самостоятельныхъ преступленій“! Послѣдствіемъ этого является исключеніе изъ Уголовнаго Уложенія говорящихъ о религіозныхъ совращеніяхъ статей 82—83; 86 — 87. Въ совращеніи усматривается уже лишь особый видъ посягательства на личную свободу, составляющаго само по себѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, запрещенное закономъ дѣяніе.

Уничтоживъ въ уголовномъ кодексѣ

преступность совращенiй, Министерство предлагаетъ отмѣнить и тѣ статьи, которыя хотя и съ большими натяжками могутъ быть истолкованы въ смыслѣ совращенiй. Здѣсь оно также не останавливается предъ тѣмъ соображенiемъ, что извѣстныя статьи говорятъ исключительно о привилегiяхъ Православной Церкви. Такъ, оно отмѣняетъ ст. 95 Уг. Ул., которая караетъ виновнаго въ воспрепятствованiи, посредствомъ насилiя надъ личностью или наказуемой угрозы, принять Православную вѣру желающему къ ней присоединиться. На ряду съ отмѣною уголовной наказуемости совращенiй, Министерство отмѣняетъ и постановленiя закона, направленныя къ предупрежденiю совращенiя, какъ-то: ст. 298, 299, 725 п.п. 6 и 8 Общ. Учр. Губ., 295 ст. Уст. Ин. Исп. и 78—81 ст. Уст. пред. прест. При чемъ должно замѣтить, что, напримѣръ, въ ст. 298-й Общ. Учр. Губ. отмѣняется и первая часть статьи, говорящая, что „губернаторы обязаны, во всякомъ случаѣ и всею предоставленною имъ властью содѣйствовать Православному духовному начальству въ охраненiи правъ Церкви и незыблемости самой вѣры“. Эта часть признана „архаической“, хотя она въ сущности является осуществленiемъ губернаторами въ предѣлахъ губернiи правъ и обязанностей Государя

по отношенію къ Церкви, о которыхъ говорятъ „Основные Законы“!.. Къ нашему удивленію полностью отмѣненъ и п. 8-й ст. 725 Общ. Учр. Губ., говорящій, между прочимъ, объ обязанности полиціи принимать мѣры къ тому, чтобы отпадшіе отъ православія не дозволяли себѣ дерзости противъ Церкви или духовенства!..

Такъ Министерство, ставъ на путь западно-европейскаго „новаго государства“ съ его „свободою совѣсти“, въ своемъ основномъ законопроектѣ объ отношеніи государства къ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ, съ достаточною полнотою осуществило цѣли и стремленія внѣконфессіональнаго государства. Оно въ большой мѣрѣ выбросило изъ нашего законодательства вѣроисповѣдный элементъ. Прежде всего, конечно, и, главнымъ образомъ, министерскій вѣроисповѣдный либерализмъ осуществился за счетъ правъ и преимуществъ первенствующей въ Государствѣ Православной Церкви. Уничтоживъ главныя преимущества Церкви,—исключительно ей принадлежащее право проповѣди своего вѣроученія всѣмъ иномыслящимъ въ предѣлахъ Имперіи и наказуемость совращеній изъ православія,—а равно, отмѣнивъ всѣ постановленія закона, прямо или косвенно связанныя съ правами

Православной Церкви на проповѣдь (ст. 4, 256, 779, 1102, 1110 Уст. Ид. Исп.; ст. 45, 70, 77 Уст. Пред. Прес.), съ наказуемостью вообще религіозныхъ совращеній (ст. 82, 83, 86, 87, 95 Уг. Ул.) и съ предупрежденіемъ совращеній (ст. 298, 299, 725 пп. 6 и 8-й Общ. Губ. Учр.; 295 ст. Уст Ид. Исп.; 78, 81 Уст. Пред. Прес.), Министерство не только перешло на *общехристіанскую* почву, не сдѣлавъ различія между православіемъ съ одной стороны и инославными исповѣданіями и сектами съ другой, но и обосновалось на *общерелигіозномъ началѣ*, когда предоставило право проповѣди или безпрепятственнаго распространенія своего ученія всѣмъ признаннымъ въ Имперіи вѣроисповѣданіямъ, въ томъ числѣ и отщепенцамъ отъ Православной Церкви, не сдѣлавъ различія между христіанствомъ и нехристіанскими ученіями, и уничтожило наказуемость всякаго совращенія, будетъ ли то совращеніе въ христіанское ученіе, или въ нехристіанство. Общерелигіозное начало, какъ основной принципъ Министерскаго законопроекта, ярко сказалось и въ измѣненіи Министерствомъ текста ст. 76 и 77-ой Уг. Улож. относительно посягательствъ на нехристіанскія вѣроисповѣданія. Эти статьи редактированы Министерствомъ въ строгомъ соотвѣтствіи

ихъ съ текстомъ статей 74 и 75-й относительно посягательствъ на христіанскія исповѣданія. Различіе осталось уже не въ составѣ преступленій противъ христіанства и нехристіанства, а только въ степени наказаній за одни и тѣ же преступленія. Въ измѣненной же Министерствомъ редакціи 81 ст. Уг. Улож. уже полностью уравнено нехристіанство съ христіанствомъ, такъ какъ Министерство признало несправедливымъ, что въ предусмотрѣнномъ 81 ст. отношеніи „христіанамъ предоставлены нѣсколько большія гаранціи по сравненію съ лицами нехристіанскихъ исповѣданій"!.. Словомъ, Министерство признало несправедливымъ, что свободное исполненіе христіанами своихъ религіозныхъ обязанностей защищено закономъ больше, чѣмъ то же относительно нехристіанъ, и что празднованіе воскреснаго дня ограждено закономъ больше, чѣмъ еврейской субботы!..

Перейдя на общерелигіозное основаніе, Министерство, конечно, оставило въ силѣ тѣ постановленія закона, которыя караютъ различныя посягательства вообще на религію. Объявить теперь же государственный внѣконфессіонализмъ или атеизмъ и выбросить изъ нашего законодательства весь вѣроисповѣдный элементъ Министерство

не рѣшилось. Но пройденный имъ путь отъ православнаго христіанства къ общему христіанству и отъ общаго христіанства къ общерелигіозному началу, на которомъ Министерство усиленно обосновалось, ведетъ въ концѣ-концовъ къ государственному религіозному „индеферентизму“ или атеизму, какъ то мы и видимъ на западѣ, въ царствѣ излюбленной Министерствомъ „свободы совѣсти“. Самое уничтоженіе многихъ постановленій закона по дѣламъ вѣры, какъ слѣдствіе перехода государства на общерелигіозное основаніе, облегчаетъ для государства возможность и полнаго упраздненія въ законодательствѣ вѣроисповѣднаго элемента, когда преступленія противъ вѣры теряютъ конфессіональный характеръ и практикуются въ общемъ законодательствѣ. Такъ же поступило наше Министерство съ цѣлою серіею религіозныхъ преступленій, прямо или косвенно говорящихъ о совращеніи. Въ вопросѣ о религіозныхъ совращеніяхъ Министерство стало внѣ всякой конфессіи, усвоивъ и проявивъ безразличное отношеніе къ религіи атеистическаго государства.

Если мы примемъ во вниманіе, что Дума, подобно западнымъ парламентамъ, всегда будетъ стоять лѣвѣе назначеннаго Монархомъ правительства, если вспомнимъ, что первая Дума уже

высказалась-было за государственный атеизмъ въ своемъ законопроектѣ о свободѣ совѣсти (ст. 3-я), если, наконецъ, взглянемъ на доминирующую роль въ дѣйствующей Думѣ такъ называемыхъ октябристовъ, то придемъ къ неоспоримому заключенію, что для атеизма у насъ уже настало думско-министерская весна!..

Такова новая вѣроисповѣдная система нашего государства. Наиболѣе ярко она сказалась въ разобранномъ нами основномъ законопроектѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Печать этой системы носитъ и остальные законопроекты Министерства по дѣламъ вѣры, о которыхъ мы на этотъ разъ не будемъ говорить, вслѣдствіе ихъ меньшей важности для возбужденнаго нами вопроса.

Въ основномъ же законопроектѣ Министерства, во-1-хъ, попраны законы элементарной логики: во-2-хъ, нарушены основные законы о первенствующей и господствующей въ Имперіи Православной Церкви, когда господство и первенство послѣдней сведены почти къ нулю; въ-3-хъ, поколеблены основныя права и обязанности Государя Императора по отношенію къ Православной Церкви (Осн. Зак. ст. 64-я), когда сведена до нуля реализація въ жизни Государства верховныхъ правъ и обя-

занностей Государя быть защитникомъ и хранителемъ догматовъ господствующей вѣры и блюстителемъ правовѣрія и всякаго въ Церкви Святой благочинія. Чрезъ это неизмѣримо умалено значеніе для Церкви и Государства и 63-й ст. Осн. Зак. объ обязательномъ исповѣдываніи Государемъ православной вѣры, такъ какъ Русскій Императоръ исповѣдываетъ православіе, главнымъ образомъ, какъ носитель души и идеаловъ русскаго народа, а не какъ обычное физическое лицо. Отсюда вытекаютъ и поименованныя въ 64-й ст. Осн. Зак. Его права и обязанности по отношенію къ Православной Церкви—этой души русскаго народа, создавшаго великую и святую Русь. Далѣе, тотъ же законопроектъ отвергъ и основное право Государя дѣйствовать въ управленіи Церковномъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода (65 ст. Осн. Зак.), когда самъ переложилъ фундаментъ отношеній Русскаго Государства къ Православной Церкви, переоцѣнилъ созданную и закрѣпленную вѣками вѣроисповѣдную систему нашего Государства, а затѣмъ свои заключенія внесъ на усмотрѣніе Государственной Думы!.. Наконецъ, законопроектъ уничтожилъ указанные и закрѣпленные основными законами предѣлы государственной вѣротерпимости

и правила охраненія ея (ст. 66-я, 67-я и примѣч. 68-й Осн. Зак.) и сталъ въ необходимое противорѣчіе съ Высочайше утвержденнымъ 17 апрѣля 1905 г. яснымъ мнѣніемъ Комитета Министровъ о *неизмѣнномъ* сохраненіи за Православною Церковью исключительно ей принадлежащаго права на свободное привлеченіе послѣдователей!..

Обосновавшись на чуждомъ нашимъ Основнымъ Законамъ началѣ „свободы совѣсти“, законопроектъ ведетъ неуклонно,—сознательно или безсознательно, это другой вопросъ,—нашъ государственный корабль къ роковой развязкѣ, когда, обуреваемый разбушевавшимися стихіями, онъ теряетъ руль, становится игралищемъ морскихъ страстей и выбрасывается разбитымъ на берегъ для топлива прибрежныхъ рыбаковъ. Православная вѣра искони была спасительнымъ рулемъ для нашего государственнаго корабля. Когда государство терпѣло кораблекрушеніе въ вѣрѣ,—трещалъ и весь корпусъ, все строеніе государственнаго корабля. И мы съ ужасомъ смотримъ, какъ руками корабельныхъ слугъ рубится руль корабля, какъ Русское Государство — этотъ грандіозный корабль отдѣляется отъ Православной Церкви—своего спасительнаго руля! Немного еще остается послѣ одобренія

Думою Министерскихъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ до полнаго отдѣленія у насъ Государства отъ Церкви. А вмѣстѣ съ этимъ порвется и та цѣпь, которая связуетъ русскій народъ и носителей государственной власти въ Россіи въ одно тѣло и въ одну душу. И звенья этой цѣпи явятся мощнымъ тираномъ противъ Русскаго Государственнаго Корабля. Печальнымъ и ненадежнымъ станетъ положеніе государственной власти, потому что всѣ ея распоряженія и дѣйствія по предметамъ вѣры совѣсть народная вмѣнитъ въ ложь и причтетъ къ безвѣрію. Канетъ въ Лету прошлое, потускнѣетъ настоящее и невозможнымъ станетъ великое будущее Русскаго Народа!..

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

Книгоиздательство „ВѢРНОСТЬ“.

ПРОТОІЕРЕЙ І. ВОСТОРГОВЪ. * Доброе слово православно-русскому народу. Вып. I. Вога бойтеся. Царя чтите. Власти повинуйся. Не соблазняй и не соблазняйся. Доброе слово земледѣльцамъ и рабочимъ. Изд. 6-е. Стр. 46, ц. 5 коп.

„ * Вып. II. Берегитесь обманныхъ рѣчей (противъ соціалистовъ всѣхъ партій). Изд. 5-е. Стр. 32, ц. 5 коп.

„ * Вып. III. Опомнитесь, грабители! О погромахъ помѣщичьихъ имѣній. Изд. 5-е. Стр. 8, ц. 1 коп.

„ * Вып. IV. Можно ли христіанину быть соціалистомъ? Стр. 16, ц. 2 коп. Изд. 11-е.

„ * Вып. V. Кто долженъ быть въ Государственной Думѣ. Стр. 14, ц. 1 коп. Изд. 10-е.

„ Соціализмъ и христіанство. Изд. 3-е. Стр. 184, ц. 25 коп.

„ Государственная Дума и Православно-русская Церковь. (Къ вопросу о свободѣ совѣсти и положеніи Церкви въ правовомъ государствѣ; по поводу Думскихъ законопроектовъ о свободѣ совѣсти и объ отобраніи церковнаго и монастырскаго имуществъ). Стр. 75, ц. 15 к. Изданіе 3-е.

„ * Государство языческое и Христіанское, цѣна 1 коп.

„ * Ложный стыдъ, ц. 1 коп.

„ * Кого надо выбирать въ Гос. Думу. ц. 1 к.

„ Къ вопросу о приходѣ, ц. 10 к. Изд. 2-е.

„ * Борьба Христіанина. Слово въ Великій Пятокъ, цѣна 1 коп. Изд. 2-е.

„ * Завѣты Патріарха Гермогена, ц. 1 к. Изд. 2-е.

„ * Отношеніе патріотическихъ союзовъ къ религіи, ц. 1 коп.

ПРОТОІЕРЕЙ І. ВОСТОРГОВЪ.* Русскія Знамена, ц. 1 к. 1-я рѣчь.
„ * Русскія Знамена. 2-я рѣчь, ц. 1 к.
„ * Духовный голодъ народа, ц. 1 коп.
„ * Восхожденіе въ гору Господню, ц. 1 к.
„ * „Господи помилуй!“ Вопль покаянія, ц. 1 к.
„ * Китейское море, ц. 1 коп.
„ * „Исполняйтеся духомъ“, ц. 1 к.
„ Памяти Русскихъ воиновъ, ц. 1 коп.
„ Людямъ рабочимъ памятка. (Слово въ недѣлю 3-ю по Пятидесятницѣ), ц. 1 к.
„ * Патріотизмъ и христіанство. (Слово въ день преп. Сергія), ц. 1 коп.
„ * Спасеніе—въ Церкви Христовой, ц. 1 к.
„ * Православіе въ исторіи Россіи, ц. 2 к.
„ * Почему мы отстаиваемъ православіе? ц. 2 к.
„ * Міровое призваніе Россіи. Слово въ праздникъ 8 іюля, ц. 1 к.
„ „Миръ всѣмъ“, ц. 1 к.
„ * Рѣчи въ память В. А. Гринмута, ц. 5 коп.
„ * Память Великаго Князя Сергія Александровича.
„ * „Трезвая жизнь“, ц. 1 коп.
„ * Жертвы и герои долга, ц. 1 к. Изд. 2-е.
ВЛАДИМІРЪ ГРИНГМУТЪ. Русскіе и евреи въ революціи, ц. 1 к. Изд. 2-е.
„ Кризисъ въ міровой исторіи, ц. 10 к.
В. В. НАЗАРЕВСКІЙ. * Императоръ Александръ III, ц. 15 к.
Б. В. НАЗАРЕВСКІЙ. Основы парламентарскаго строя, ц. 5 коп.
„ Свобода печати, ц. 5 коп.

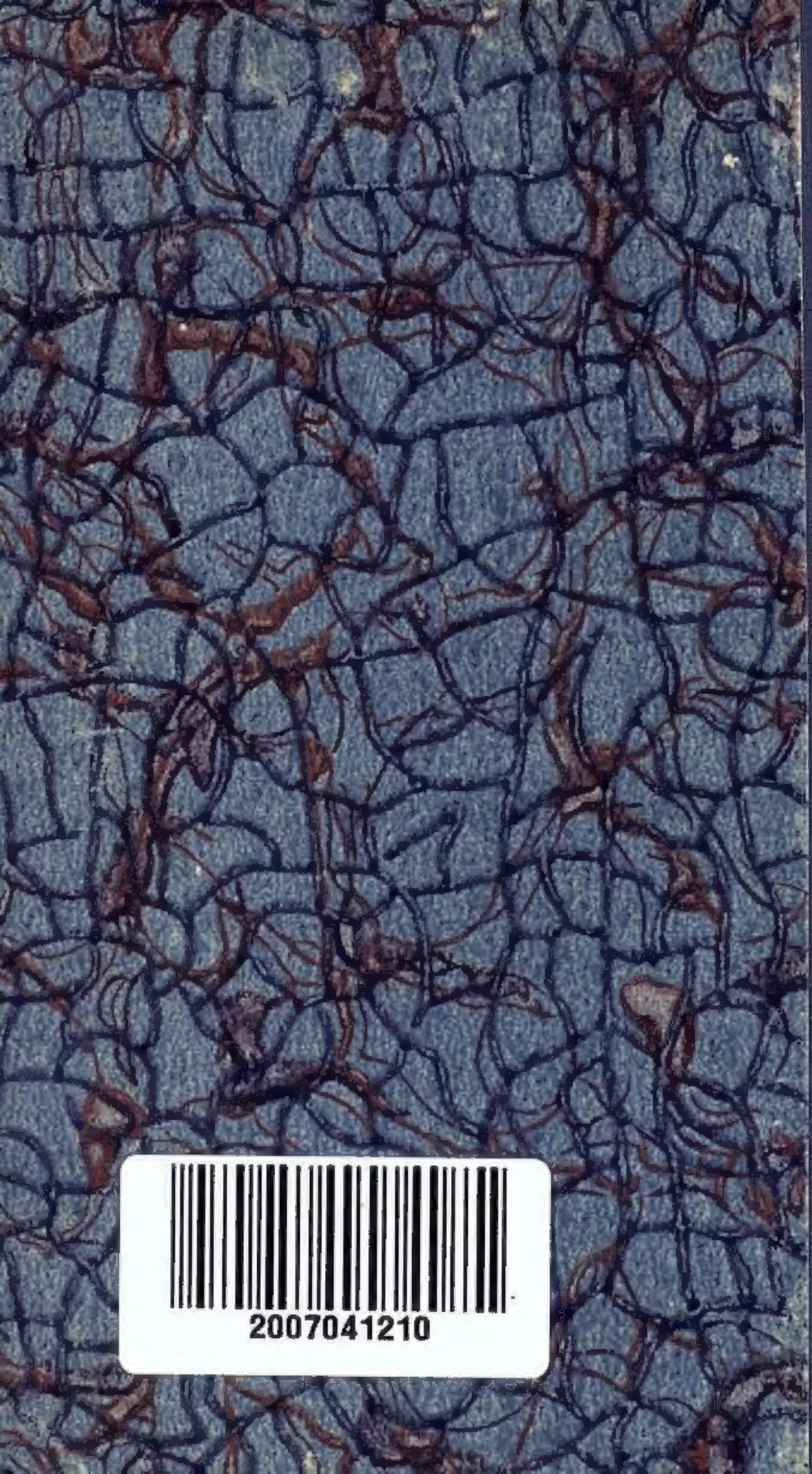
На складѣ книгоиздательства имѣется рядъ другихъ изданій.

Выписывающіе сотнями пользуются 30% уступки, тысячами—40% уступки. Пересылка на счетъ книгоиздательства, если сумма заказа выше 3 рублей.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА „ВѢРНОСТЬ“:
Москва, Лиховъ пер., Епарх. домъ.

БИБЛІОТЕКА
ПОГАШЕНО
АКАДЕМІЯ

8 л



2007041210